

Валентина Кобзарь

“ДЯТЕЛ, БЕСПАРТИЙНЫЙ”

История повторяется. Не раз уже сравнивали наше время с переломными и судьбоносными годами пролетарской революции. Пока трудно сказать, какой из двух исторических моментов трагичнее, только при ближайшем рассмотрении оба они распадаются на отдельные маленькие человеческие трагедии.

Я расскажу, что знаю о жизни и трагической смерти талантливого человека, который не смог пережить ту, давнюю, революцию.

В Благовещенске Ф. И. Чудаков появился в 1908 году, как утверждает один из источников, он бежал из ссылки в Енисейской губернии. Ему было чуть больше двадцати лет.

По моим сведениям, до появления на Амуре он учительствовал в гимназии, не раз отбывал предварительное заключение и находился под надзором полиции как политически неблагонадежный.

Вскоре по приезду в Благовещенск Федор Иванович женился на Варваре Ипполитовне, которая взяла его фамилию. В положенный срок родилась дочка. Назвали Наташей.

Варвара Ипполитовна в течение нескольких лет преподавала в женском училище им. Л. Н. Толстого, что располагалось на 1-й Забурхановской. Ради дополнительного заработка время от времени набирала группы детей для подготовки их к гимназии. То ли по политическим мотивам не разрешали, то ли сам не пожелал, только Федор Иванович не стал учительствовать. Он посвятил себя журналистике.

При самом активном участии Чудакова издавались журналы “Зея” и “Колючка”. Он сотрудничал в газете “Амурское эхо”, редактировал газету “Голос труда”, был редактором, издателем и основным автором сатирического журнала “Дятел, беспартийный”. Вышли в свет два его стихотворных сборника.

Творческая активность и работоспособность Чудакова поразительны. Некоторые номера газет и журналов, к которым он имел отношение, процентов на 70—90 написаны им одним. Он выступает в самых разных жанрах, пишет много и талантливо.

Даже в благовещенской тюрьме Чудаков умудрился издавать газету. Называлась она соответственно: “Арестант”.

Это было в 1909 году. Тогда “в тюрьме увлекались выделкой из коровьих рогов всевозможных мелких вещей и вязанием неводов, — вспоминает товарищ Чудакова по заключению И. Сивков. — Физический труд не манил к себе Федора Ивановича. Он не расставался со своим маленьким блокнотом. Не писать и не делиться своими мыслями он не мог. Стихи, басни, проза, шаржи так и лились из-под его пера.

...Он влил в нас душу живую, поднял общее настроение. У каждого проснулась жажда жизни”.

Кстати, в тюрьме Чудаков оказался тоже из-за пристрастия к сочинительству.

“Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести все издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как все-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы. Автор был недоволен”. Это из воспоминаний Чудакова.

То, что он за брошюру, чем-то не понравившуюся цензорам, на полгода угодил в тюрьму, в те времена было делом обычным. Газетчики, главным образом редакторы, то и дело попадали под суд, штрафовались, арестовывались. Неважно кормившее газетное дело было прямо-таки опасным. Да и хлопотным не меньше, чем теперь.

Сотрудники редакций сами оформляли подписку, сами продавали свои издания, рассылали их подписчикам. Чудаков однажды описал подобный случай.

“...сам лично сфальцевал, сбандеролил, наклеил адреса, и, не щадя собственного языка, на каждую бандероль наклеил марку, сам лично снес на почту”...

В другой раз Чудаков пишет, обращаясь к читателям: “Если почта не доставила номер, напишите нам, мы вышлем снова. Если

опять не доставит — вернем деньги, объявим забастовку, откроем собственную почту”.

Все повторяется: недавно и наши журналисты этим же грозили.

Переписка с читателями шла тут же, на газетных и журнальных страницах, причем в очень непринужденной манере.

“Не тащите нам своих произведений. Для этого в городе заборы есть!” “Двух недель не прошло, как начал выходить журнал, а уже регенты появились: то пишите, это нет и не так. Откройте лучше свой журнал, а нас оставьте в покое”. Цитаты из “Дятла, беспартийного”, последнего детища Чудакова. На свет он появился в январе 1918 года.

Шел третий месяц революции. Только-только в Благовещенске установилась власть Советов.

Последователь народников, убежденный социал-демократ, по социальному положению “пролетарий умственного труда”, по достатку человек скорее бедный, чем обеспеченный, не знаю, как встретил Чудаков февраль и октябрь 17-го, но в январе 18-го года он явный противник и язвительный критик новой власти.

Их неприятие — власти и поэта — было взаимным. Стихия революции не признавала за своих не только богатеев-буржуев, но и “тилигентов”, большую часть которых на Амуре составляли сосланные революционеры различных направлений. Таким образом в число контрреволюционеров Чудаков попал автоматически.

Не будь этого, уверена, он сам выбрал бы место в оппозиции режиму. Ведь в ходе пролетарской революции попорченной, извращенной оказалась идея счастливого будущего, равенства и братства, ради достижения которых Чудаков, сотни тысяч таких, как он, революционеров, “по централам вшей кормил, на Вилюе волком был”. Из почти святого мученичества, жертвенности и верности идее политическая борьба стала предметом купли-продажи. “Дятел” словами Чудакова писал об этом так.

“Кто был доселе апатичным, ко всем ”движеньям” безразличным, тот делался весьма приличным “эсером” иль “меньшевиком”. Кто зубы грешных кулаком дробил на всякие манеры, в “большевики” или “эсеры” “вступал” без всяких лишних слов. Кто за подлоги был в остроге, кто был в остроге за поджоги.., и рысью, с места в демагоги”.

К последним Чудаков относил, очевидно, и Ф. Н. Мухина. Они одновременно отбывали срок в благовещенской тюрьме в 1909 году: Чудаков среди политических, Мухин был старостой у уголовников. Об этом пишет В. Сивков в своих воспоминаниях.

В “Хронике прогресса” один из разделов “Дятла, беспартийного” Чудаков рассказывает: “За январь 1918 года в Благовещенске

зарегистрировано: краж — 44, поранений — 11, ограблений — 18, убийств и самосудов — 17” (в числе последних растерзанные толпой прапорщик, не пожелавший снять погоны, и заступившаяся за него сестра милосердия, дважды раненная на фронте империалистической войны).

Читаем “хронику” дальше. “В области: земств разогнано — 8, школ закрыто — 2, открыто — 0, лекций прочитано — 0, молотилок сделано — 0, резолюций вынесено — 1458”.

“Ах, недолго ждать развязки этой жутко-страшной сказки. Это плод лишь опьянения молодым вином свобод”. Так считал Чудаков, к нему присоединялись многие. Действовали по-разному, одни надеялись что-нибудь успеть урвать, другие думали пересидеть дома смутное время. Чудаков задибался, критиковал, кстати, не только большевиков, и строил планы на будущее.

Издавая почти в одиночестве “Дятла” (семь номеров выпустил за семь недель), одновременно он редактировал ежедневную большеформатную народно-социалистическую газету партии социалистов-революционеров “Голос труда”. Объявил подписку на 18-й год на оба издания. Планировал в ближайшее время выпустить серию книжек, посвященных произведениям амурских авторов. Умирать не собирался.

26 февраля 1918 года вышел последний, седьмой номер “Дятла, беспартийного” (тогда еще никто не знал, что он будет последним).

За несколько дней до этого четыре тысячи противников власти во главе с казачьим атаманом Гамовым подняли мятеж. 28 февраля началось наступление на город 12-тысячного революционного отряда.

На следующий день утром Чудаков застрелил из ружья дочь и жену, застрелился сам...

“В самый разгар уличной бойни Федор Иванович сидел в квартире со своей великой душевной скорбью, — вспоминал впоследствии М. Катаев. — Домовладелица и другие знакомые приносили жуткие известия о гибели друзей Федора Ивановича, об убийствах безоружных граждан в их квартирах, грабежах и всяческих насилиях и издевательствах...”.

Сотни горожан, главным образом домовладельцы, пытались как-то сопротивляться. Многие бросились искать спасения на другом берегу Амура, переходя реку по льду. Почему Чудаковы выбрали свой путь?

Дар предвидения или же чрезвычайно ясное понимание происходящего утвердили Федора Ивановича в том, что “кроваво-страшная сказка” только начинается, война властей с собственным народом продлится долгие годы.

Сохранить жизнь можно было только ценой предательства: записаться в правящую партию, отречься, как от врагов, от товарищей по тюрьмам и ссылкам, или воевать против народа. Предательству Чудаков предпочел смерть.

Как страшно и тяжело было решиться на подобный шаг Варваре Ипполитовне, можно только представить, но она поддержала мужа, как делала это почти десять лет совместной жизни. Вместе с ним четким учительским почерком подписала она последнюю записку. "...Уходим честными и чистыми..."

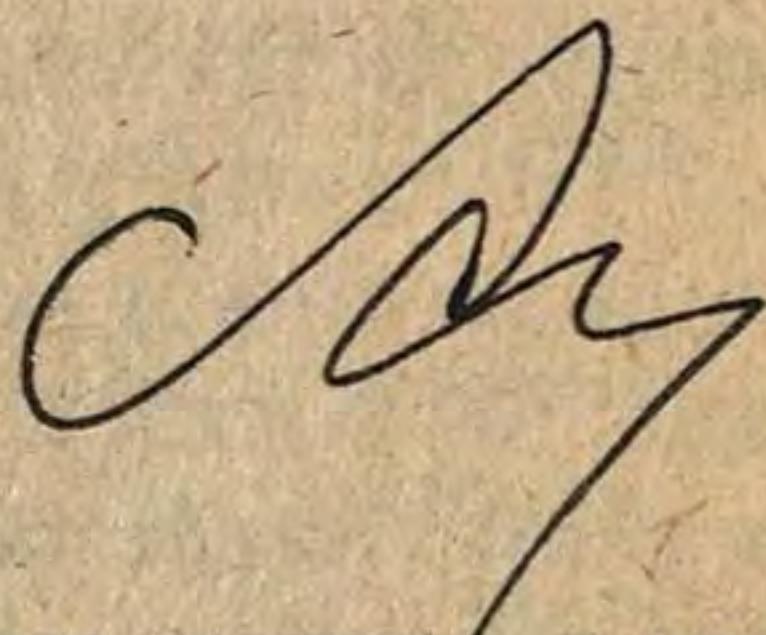
Гибель Чудаковых потрясла интеллигентную, читающую часть горожан. "...личность поэта сделалась символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, за оплеванные идеи народного счастья". Эти строки опубликованы в журнале "Чайка" за 1918 год, посвященном памяти Чудаковых.

Товарищи и знакомые Чудакова, а их, видимо, было множество, сумели организовать посмертное издание его пьесы "Изгнанники". Задумали поставить памятник поэту и даже начали сбор средств.

Революция продолжалась. Она смела, как ненужную мелочь, идею увековечения памяти поэта, авторов этой идеи, потом — могилы Чудаковых на старом кладбище в Благовещенске, затем и память о талантливом поэте, неистовом журналисте.

А. Вайсман,
кандидат филологических
наук, доцент БГПИ.

ТЕАТР БЕРЕТ МЕЧ

Когда справедливость слепнет, купленная золотом, и молчит на службе у порока... театр берет в свои руки меч и весы и привлекает порок к справедливому суду.

Ф. Шиллер.

Верность идеалам гуманизма, стремление к показу человеческой личности в контексте времени неоднократно позволяли Амурскому театру драмы ставить и решать большие художественные задачи. И